
ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ Н.В. НЕКРАСОВА¹

В.В. Поликарпов

*кандидат исторических наук, доцент,
научный редактор журнала «Вопросы истории»*

Необходимость обнародования документов следствия 1939 г. по делу Н.В. Некрасова — как бы ни оценивались они в качестве источника — существует с 1974 г., когда КГБ СССР с сенсационным антуражем напечатал фрагменты показаний двух масонов, Н.В. Некрасова и Л.А. Велихова. Введение их в оборот составляло звено идеологической операции, нацеленной на укрепление мнимо-оппозиционной национал-коммунистической альтернативы диссидентству, пропагандировавшему демократические и общечеловеческие ценности.

По свидетельству непосредственного исполнителя данной акции, Н.Н. Яковлева² (оно вполне правдоподобно по сути, подтверждается самим характером использованных им документов КГБ — вплоть до оперативных, и никем не опровергалось; имеются и косвенные подтверждения), текст показаний Некрасова и прочие «масонские» материалы он получил из рук председателя КГБ Ю.В. Андропова и генерал-майора Ф.Д. Бобкова — тогдашнего заместителя начальника 5-го управления³, ведавшего идеологическими спецоперациями КГБ, борьбой с диссидентством. Втолковывая смысл даваемого поручения, Андропов, по словам Яковлева, «многократно повторял мне (судя по четким формулировкам, он постоянно делал это многократно в другой обстановке)», что «извечная российская традиция — противостояние гражданского общества власти — в наши дни нарастает»; «объявились диссиденты», которые подрывают «политическую стабильность страны», и это при том, что «внутренние проблемы нашей страны»

¹ Первая публикация: Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: "Индрик", 2008, с....

² Яковлев Н. 1 августа 1914 [года]. Изд. 3-е. Дополненное. М., 1993. Приложение: О «1 августа 1914», исторической науке, Ю.В. Андропове и других. С. 288, 290–295, 298, 301, 312.

³ Положившись на сведения, имевшиеся в ведомственной литературе, я ошибочно назвал время создания 5-го управления, связывая это событие с решением Политбюро ЦК КПСС от 17 июля 1967 г. (Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. М., 2008. С. 103). В действительности 5-е управление примерно с теми же функциями существовало после реорганизации ведомства еще в 1949 г. (см. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 458). На 1967 г. пришлась, таким образом, лишь очередная реорганизация, вызванная приходом нового председателя КГБ — Андропова.

дают повод «для вмешательства Запада». Их мало судить — «слову нужно противопоставить слово». «Дело не в демократии, он [Андропов] первый стоит за нее, — передает Яковлев слова председателя КГБ, — а в том, что призывы к демократии неизбежно вели к развалу традиционного российского государства».

В качестве конкретного противника на этот раз рассматривался автор «Архипелага ГУЛАГ» (тогда еще рукописного) и «Августа 1914 года», где, с точки зрения КГБ, Россия изображена слишком «безотрадно», недостаточно патриотично. Андропов «со вкусом говорил об идеологии... настаивал, что нужно остановить сползание к анархии в делах духовных, ибо за ним [сползанием] неизбежны раздоры в делах государственных». Официальная идеология изжила себя (даже Бобкову, по наблюдению Яковлева, «обрыдла») и не выдерживала спора с диссидентами; требовались «книги должного направления» — помогающие борьбе с нынешними «нигилистами», «демократами» и «русофобами». Со своей стороны генерал Бобков преподавал такие «основополагающие послышки: 1) не навязывать читателю своей точки зрения... 2) писать так, чтобы книги покупались, а не навязывались читателю». При этом Бобков «охотно делился своими пугающе-громкими познаниями» в области истории России накануне революции 1917 г., «в том числе о масонах», и «дружески» посоветовал Яковлеву «попробовать силы на этом поприще».

Появившаяся в результате в 1974 г. книга Яковлева «1 августа 1914» не содержала каких-либо действительно новых истолкований истории 1917 г. Он воспроизвел те трактовки роли масонов, которые распространялись в черносотенной, а затем эмигрантской литературе и были собраны вместе и привязаны к общеизвестным фактическим сведениям Дж. Катковым в его книге 1967 г. о Февральской революции; книги обоих авторов претендовали на сенсационность именно акцентированием масонских влияний. Свержение монархии изображалось Яковлевым как результат козней хитроумных вездесущих русофобов-масонов, задавшихся целью погубить великую могучую державу. К версии Каткова Яковлев добавил лишь, что масонским проискам положили конец большевики, истинные русские патриоты, перехватившие инициативу и власть у масонского Временного правительства. «Меч революции поразил гадину в тот самый момент, когда она только-только становилась на ноги»⁴.

Фантазмагории Каткова Яковлев подкреплял «документами». С загадочно-многозначительным видом он процитировал отрывки из записанных Некрасовым «в тридцатые годы» «рассказов» о прошлом, в полном виде известных лишь данному уникально осведомленному смелому исследователю, несравненному знатоку масонских тайн.

В целом проводимой операцией подавался сигнал к легализации ультранационалистической пропаганды: привычные официальные интернационалистские оценки революционных событий 1917 г. теряли монополюсный статус и даже подменялись сугубо шовинистскими с камуфляжным коммунистическим налетом. Как и их исторические предшественники, новые, советские черносотенцы обвиняли во всех бедах России масонов, которые якобы служили орудием всемир-

⁴ Яковлев Н. 1 августа 1914 [года]. Изд. 2-е. М., 1974. С. 226.

ного «жидо-масонского заговора»⁵. Низкопробная во всех отношениях работа Яковлева годилась только для того, чтобы произвести эффект идеологического шока; цель операции была бы достигнута только в том случае, если бы в разработку «подброшенной» версии включились менее сомнительные, чем Яковлев, как бы независимые авторы. И это в значительной мере удалось: «Среди части литераторов и историков вдруг вспыхнул острый интерес к русскому масонству начала XX в. ...Одна за другой стали выходить статьи и книги, в которых на все лады расписывалось могущество масонских организаций, коварство их замыслов и приемов, огромная отрицательная роль, которую они сыграли в ходе Февральской и Октябрьской революций»⁶. Однако не всякий историк, соприкоснувшийся со столь неожиданно взорвавшейся масонской темой, проявлял готовность идти по стопам Яковлева.

Существовало два препятствия. Многие сознавали, что обращение к ней чревато риском подыграть черносотенцам, антисемитам⁷. Что касается Яковлева, то он шествовал по грязи гордо, с удовольствием, демонстративно именуя И.И. Минца и Г.А. Арбатова (директора Института США и Канады, вынужденного держать «масоноведа» на службе) «Исааком и Абрашей», чтобы не оставалось сомнений насчет национальной принадлежности тех, кто совал ему палки в колеса. Но другие авторы оказывались перед определенным моральным выбором.

Имелась и иная, не менее серьезная причина сдержанности специалистов. Издаваемые сочинения о масонах вливались в общий поток литературы по «еврейскому вопросу», проистекавший из 5-го управления (специализация 6-го отдела). Вся обстановка появления книги Яковлева и зримое присутствие в ней материалов КГБ породили в научных кругах убеждение в том, что масонскую проблему вызвало к жизни именно это учреждение, преследуя собственные цели, что и стало «главной причиной, отпугивающей исследователей от масонской проблемы»⁸.

Мало кто из историков долго ломал голову, какого жанра повествования довелось писать и подписывать в тридцатые годы деятелям старого режима, сгинувшим в застенках НКВД. Например, Е.Д. Черменский, как не без досады отмечал позднее В.И. Старцев, «отказался даже обсуждать степень достоверности многочисленных доказательств, приведенных в книге Н.Н. Яковлева»⁹. Нелишне, однако, задаться вопросом: а кто позволил бы в 1976 г. Черменскому обсуждать степень достоверности протоколов допросов НКВД, опубликованных с оперативными целями Андроповым и Бобковым? В то время было по слухам известно (и

⁵ Серков А.И. История русского масонства. СПб., 1997. С. 23. Ср.: Попов А.И. Попытка реанимации одиозных идей // Вопросы истории. 1989. № 2.

⁶ Аврех А.Я. Мasons и революция. М., 1990. С. 11–12.

⁷ Красноречивое «совпадение»: на обороте титульного листа 3-го изд. своей книги Яковлев объявил, что «часть средств от реализации тиража будет перечислена в фонд восстановления Храма Христа Спасителя». Выходящие в последние годы «труды» в том же стиле другого американиста-масоноведа, О.А. Платонова, издаются за счет того же фонда.

⁸ От редакции // Из глубины времен. 1992. Вып. 1. С. 171–172. В высшем руководстве Андропов принадлежал к числу сторонников жесткого курса в этом «вопросе» (см. Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 699).

⁹ Старцев В.И. «Заговор буржуазии» перед Февралем 1917 года в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 — февр. 1917 г.). Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 137.

Яковлев теперь это подтвердил), что Черменский в соавторстве с В.М. Шевыриным и В.И. Бовыкиным пытался-таки опубликовать разбор книги Яковлева в виде рецензии размером в печатный лист, предназначенной для «Вопросов истории КПСС». Рецензию сняли уже из сверки, «то есть, — торжествовал Яковлев, — схватили за считанные дни» до выхода в свет, «и подарили мне»¹⁰. Неудивительно, что Черменский в издававшейся одновременно монографии не взялся «серьезно рассматривать источники, на которые опираются сторонники противоположной точки зрения»¹¹.

Однако тому, кто уж очень соблазнился бы редкостными материалами, нарочитая неопределенность Яковлева в вопросе об их происхождении (цитировалось «просто» то, что Некрасов «рассказал» кому-то, неизвестно кому, в 30-е гг.) оставляла формальную возможность «не понять», с каким источником приходится иметь дело. Даже отнесшийся критически к работе Яковлева А.Я. Аврех придавал подsunутому Бобковым материалу «определенную научную ценность», видел в нем «реальный вклад в науку», считая, что «на этот раз Н. Яковлев имеет в своем распоряжении действительный, реальный козырь» («Недаром Некрасов в своих воспоминаниях...»; «Что же нам поведал Некрасов...»; «Названная Некрасовым цифра в 300–350 человек...»)¹².

Аврех смерил Яковлева по своей мерке и не задался вопросом, что же за козыри один за другим появляются из его рукава: «Яковлев приводит еще свидетельство кадета Л.А. Велихова, депутата IV Думы». Речь идет о той выдержке из допроса Велихова, которая подшита в следственном деле Некрасова. (Этим показанием Некрасов изобличался в том, что и после июля 1917 г. участвовал в кадетской деятельности.) Аврех так и остался при убеждении, что Яковлев «ввел в научный оборот еще один документ, за который мы должны ему быть признательны, хотя, к сожалению, он не датирован и неизвестно, что это такое — воспоминания, письмо или что-либо другое»¹³. Святая простота!¹⁴

Характерно, что и Н.Н. Берберова, ознакомившись с теми же «документами», насторожилась, но моментально подавила в себе инстинктивное недоверие. Она знала, что НКВД уничтожал остатки недобитых ОГПУ меньшевистских дея-

¹⁰ Яковлев Н. Указ. соч. (1993). С. 298.

¹¹ Старцев В.И. «Заговор буржуазии». С. 142.

¹² Аврех А.Я. Указ. соч. С. 134, 193, 142, 184. И Л. Хасс, легко распознавший в этом материале «следственные показания», однако, нашел возможным сослаться на них как на некое «сообщение Н.В. Некрасова» (ХАСС Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 29, 31). Ряд авторов предпочитал брать те же показания не из первых, одиозных, рук Яковлева, а косвенно, ссылаясь на цитаты, приведенные Аврехом (Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 64).

¹³ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 150–151. И А.И. Серков в недавней работе считает, что яковлевские источники, хотя и неизвестно, откуда они взялись, — результат «поиска новых свидетельств» о масонстве и принадлежат к числу «свидетельств», которые исследователю «позволяют восстановить жизнь» масонских сообществ (Серков А.И. Указ. соч. С. 12).

¹⁴ Точно так же Аврех излишне поторопился удостоверять «стоцентную подлинность» документов, опубликованных в 1966 г. в английском журнале Б. Элькиным и полученных последним от какого-то «русского друга», вскоре якобы скончавшегося. Как показал разбор этих «источников», вопрос об их подлинности на деле настолько сложен, что уважающий свое ремесло историк «не имеет права использовать их» ни для чего, кроме «специальной научной экспертизы» (Островский А.В. Осторожно! Масоны! // Из глубины времен. 1996. Вып. 6. С. 172).

телей, видела, что в цитированных Яковлевым отрывках «фамилии близких друзей Некрасова и его братьев по масонской ложе полны ошибок, которые Некрасов сделать не мог» — и не попыталась найти этому объяснение. Наткнувшись на примечание «слово неясно в документе», она как будто спохватилась: «В каком документе? И почему этот документ не описан?» Но, уже попавшись на «подброшенную» приманку, тут же сглаживает впечатление и, дав волю своей богатой фантазии, уходит от сути дела: «Читателю предложен кусок прошлого, и он не прочь узнать о нем побольше, даже если оно слегка искажено и приукрашено». Более того, ей показалось, что приводимые сведения о масонстве Яковлев получил путем личного общения с Некрасовым: «Автор встречал министра Временного правительства Н.В. Некрасова (имеется пример прямой речи героя)» — хотя Яковлев нигде не упоминает о встречах и разговорах с этим «масоном», да и не мог упоминать, зная, где он обретался в 1939 г., когда 12-летний Коля еще ходил в школу, а не к «друзьям» на Лубянку. «В конце 1930-х гг. он [Некрасов] исчез», — отмечает Берберова и продолжает: «Впрочем, небольшой след остался: он положил в архивы одну бумагу, где изложил кое-что о самом себе, о 1917 годе, о масонстве», и эту «бумагу» «“художественно” подал» «беллетрист» Яковлев¹⁵.

Берберова еще и строит предположения, не говорил ли Некрасов Яковлеву «о каких-то своих записках, мемуарах и документах, не то где-то зарытых, не то им замурованных». Очень не хотелось писательнице признаться самой себе, что загадка решается проще, — ведь тогда неловко будет использовать этот «источник», изготовленный сержантом госбезопасности, превратившим фамилии всех этих «масонов» — «Колюбякиных», «Гогечкорий», «Чхенкелий».

Автор комментариев к русскому изданию книги Берберовой, отметив некоторые ее натяжки и ошибки, обходит молчанием явно неадекватное восприятие ею показаний Некрасова. По его оценке, «содержательная книга Берберовой не имеет себе равных и надолго останется необходимейшим первоисточником для всех историков», «книга Берберовой... остается первостепенным источником информации по истории XX века... Концепции видоизменяются... а факты остаются»¹⁶. Факты эти, однако, по компетентному заключению, таковы, что «нельзя говорить об ошибках и искажениях в работе, которая из них только и состоит»¹⁷.

Показания Некрасова, труд Берберовой и «документы» Элькина заняли центральное место в источниковой базе народившегося советского масоноведения. Как решающий аргумент рассматривал показания Некрасова Старцев в своем споре с И.И. Минцем: Минц, как и Черменский, «игнорировал извлеченные из советских архивов (так!) показания Н.В. Некрасова 20–30-х гг., воспроизведенные в книге Н.Н. Яковлева»¹⁸. То, что Старцев предпочел датировать сей источник не слишком определенно, 20–30-ми гг., можно понять, объяснить. Но все же Яковлев ясно (и верно) писал только о 30-х гг.: в более ранних показаниях Некрасов о ма-

¹⁵ Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986. С. 47, 265–266.

¹⁶ Коростелев О. Книга «Люди и ложи» и ее автор // Берберова Н. Люди и ложи. Харьков; М., 1997. С. 387–388. Что ж, известно: и шило бреет.

¹⁷ Серков А.И. Указ. соч. С. 43.

¹⁸ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 123. Речь идет о статье: Минц И.И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4.

сонстве (якобы намеренно) умалчивал. Особую ценность его показаний Старцев усматривает в том, что они «даны дважды в 20-е и 30-е гг. и совершенно независимо от зарубежных публикаций»¹⁹. Между тем и для утверждения о «независимости» показаний Некрасова от литературных и иных источников, имевшихся к тому времени в распоряжении следователей госбезопасности²⁰, также вовсе нет оснований.

«Я лично старался в своих высказываниях о масонах соблюдать осторожность и держаться в рамках известных и поддающихся проверке любого заинтересованного исследователя документов», — объяснял Старцев²¹. Подводя в 1987 г. итог своим занятиям масонской темой, он писал, что в процессе подготовки книги «Революция и власть» (1978 г. изд.) ему удалось подвергнуть «проверке по первоисточникам свидетельства ряда бывших русских масонов из организации «Верховный Совет народов России» 1911–1917 гг., часть которых была использована и Н.Н. Яковлевым»²². Значит ли это, что тогда, в 70-х гг., Старцев тоже ознакомился со следственным делом Некрасова и, стало быть, видел, что в этих документах тот принял на себя вину не только за «масонские» увлечения, но и за покушение на Ленина в январе 1918 г., и за участие в подрывной работе сфабрикованных ОГПУ, никогда в действительности не существовавших Трудовой крестьянской партии, Союзного бюро РСДРП (меньшевиков) и во вредительской организации Г.Г. Ягоды, орудовавшей на таких стройках социализма, как Беломорско-Балтийский канал, канал Москва–Волга? Без санкции Бобкова эти документы не могли быть предоставлены кому-либо хранителями архивов НКВД. В изданной в 1978 г. книге Старцева пути этой «проверки по первоисточникам» никак не разъяснены²³, дело свелось лишь к отсылке все к той же книге Яковлева, причем с устойчивой ошибкой относительно датировки показаний Некрасова о масонах, данных им якобы «дважды», в 20-е и 30-е гг. Дальше — больше. Теперь уже этот источник именуется «воспоминаниями»: Некрасов не любил сам писать мемуары, он «делился своими воспоминаниями лишь со следователями ГПУ и НКВД»²⁴.

И Старцев, и Берберова, и В. Пикуль, и многие другие заинтригованные авторы подчинились правилам игры, навязанным Бобковым; в чужом пиру приняли похмелье и спорившие с ними Аврех, Минц, О.Ф. Соловьев. По сути, для успе-

¹⁹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 122.

²⁰ Как стало теперь известно, еще ОГПУ в 20-е гг., а затем НКВД старательно собирали и создавали сами «масонские» материалы и начали какую-то крупную по масштабам организационную возню, что видно из документов, использованных О.Ф. Соловьевым и — совершенно некритически — В.С. Брачевым и «литератором Олегом Шишкиным» (Соловьев О.Ф. Рец. на кн. О.А. Платонова и А.И. Серкова // Вопросы истории. 1998. № 9; Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена. Первая треть XX в. СПб., 1997; Шишкин О. Пламенный человек // Велидов А. Похождения террориста. М., 1998). Таинственный «русский друг» Элькина, предоставивший ему крайне сомнительные масонские «документы», изложил при этом такую версию их появления, которая не выдерживает критики. См.: Островский А.В. Указ. соч. С. 167сл.

²¹ Старцев В.И. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 119.

²² Старцев В.И. «Заговор буржуазии». С. 144.

²³ Старцев В.И. Революция и власть. М., 1978. С. 254. Точно так же до сих пор не опубликованы и данные его «источниковедческого, текстологического и графологического анализа» документов Элькина. По заявлению Старцева, этот анализ «подтверждает несомненную подлинность» их (см.: За кулисами видимой власти. М., 1984. С. 100; ср.: Островский А.В. Указ. соч. С. 166–167).

²⁴ Козлова К.В., Старцев В.И. Николай Виссарионович Некрасов — радикальный политик (1905–1917 гг.) // Из глубины времен. 1996. Вып. 7. С. 80, 87.

ха операции КГБ неважно было, кто из спорящих выглядит убедительнее, она развивалась по законам не науки, а пропаганды: чем больше шума поднимали спорящие, тем больше внимание общественности, изнывающей от казенной железобетонной пропаганды и склонной к вольномыслию, отвлекалось от жизненных коллизий, обсуждаемых в диссидентских кругах, сдвигалось в «должном направлении» — к масонской «проблеме», а тем самым она уже и решалась в определенном духе: русский патриот не может быть либералом, демократом, евреем, космополитом, пацифистом — словом, масоном. Опыт Авреха показывает, насколько обращение к вызвавшей шумиху теме провоцировало даже искушенного в работе с источниками автора на отход от рациональной научной методики, опыт же Черменского и его соавторов показывает, какие пределы «свободе научного поиска» устанавливал КГБ.

Использование таких источников, какими являются следственные материалы ОГПУ–НКВД, требует выработки особой методики их анализа. Едва ли в данном случае может быть эффективной та методика, которую предлагает Н.Н. Покровский, основываясь на опыте работы с материалами средневековых процессов и дознаний. «Для этого типа источников, — полагает он, — хорошо действует то общее источниковедческое правило», согласно которому «в глубоко тенденциозном источнике наиболее достоверны сведения, противоречащие основной тенденции этого документа, а наименее достоверны — совпадающие с ней»^{25 24}. В нашем случае, однако, источник принципиально иного качества: в нем фиксируются не тенденциозно препарированные показания и свидетельства, а полностью сфабрикованные — в соответствии с заранее выработанным сценарием — измышления; тенденция не лежит на поверхности. Такие документы заговорят всерьез тогда, когда окажется доступным для исследования не только конечный результат костоломной работы, но и задачи, поставленные авторами инсценировки, когда архивы ОГПУ–НКВД откроются для нормальной исследовательской деятельности, не исключая материалов оперативного планирования, внутренней переписки, денежной отчетности и т. д.

Волей случая заглянуть в эту «кухню» ныне позволяет окно, проделанное самодовольными откровениями Яковлева, — и только потому, что появилась, наконец, возможность сопоставить их с использованными им «первоисточниками». Но этим не решается более общий вопрос: какую цель преследовали Ягода и Ежов, фабрикуя для своих жертв «масонскую» легенду. Масштаб этой деятельности, судя по отрывочным данным, позволяет предполагать существование колоссальных заделов, причем в 1974 г. Бобков пустил в ход лишь крохотную долю всего заготовленного ежовскими «масоноведами».

Публикуемые ниже материалы взяты из уголовных дел Н.В. Некрасова 1931 г. (дело №-7824, или т. 31 в составе делопроизводства по «Союзному бюро РСДРП») и 1939 г., в пяти томах, где подшиты (в томах 3-м и 4-м, являющемся делом ВЧК) также и материалы, относящиеся к аресту Некрасова в 1921 году. Многие документы уголовного дела № Р-45579 3-го управления ГУЛАГа (листы 278–442 тома 5-го)

²⁵ Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 145.

остаются и теперь недоступными для изучения (эта часть досье опечатана). Не оказалось возможным ознакомиться также и с относящимися к Некрасову делом по надзорному производству № 13-215-97 и следственным делом № 102976 1-го отделения Секретно-политического отдела.

Писанные следователями протоколы допросов и собственноручно записанные показания 1939 г., как правило, соседствуют с машинописными авторизованными копиями. Отдавая при отборе для публикации приоритет материалам, содержащим показания по вопросу о «масонстве», мы не видели смысла воспроизводить десятки других протоколов с однообразными «свидетельствами» о вредительской деятельности Некрасова и его товарищей по несчастью на строительстве каналов в системе ГУЛАГа, об организации покушения на Ленина, связях с Троцким, тем более что подобные темы представлены и в материалах, отобранных для публикации.

К сожалению, почти все изъятые у Некрасова при аресте в 1939 г. материалы — 190 писем, записные книжки, фото — числятся в описи на уничтожение (т. 1, л. 13), для установления его вины они оказались излишними, все доказательства сводятся исключительно к признаниям и свидетельствам жертв НКВД.

Какие методы воздействия применялись к арестованным, ныне хорошо известно. Любопытный казус стоит отметить в одном случае: в томе 1-м подшиты протоколы допросов Некрасова 1939 г. (не публикуемые по указанным выше причинам), в которых зафиксировано точное время начала и окончания процедуры. Внимание привлекают два таких «подлинных документа». Один допрос, согласно этим «документам», продолжался якобы с 21.00 1 октября 1939 г. до 2.00 2 октября (т. 1, л. 192–202). Другой допрос того же Н.В. Некрасова, начатый в 23.40, по мистическому совпадению, того же 1 октября, закончился в 1.20 2 октября (л. 203–206об.). К сожалению, при реабилитации, поскольку Некрасов прошел ее без индивидуального нового изучения обстоятельств дела, видимо, не были исследованы другие особенные приемы «работы» следователей.

Текст воспроизводится применительно к правилам публикации исторических документов. В тех документах, отрывки из которых Яковлев опубликовал в трех изданиях своей книги «1 августа 1914», а также в своей «Книге для учителя» «Последняя война старой России» (М.: Просвещение, 1994), допущенные им неточности исправляются без оговорок. Публикацию подготовили доктор исторических наук В.В. Шелохаев и кандидат исторических наук В.В. Поликарпов. Редакция выражает признательность сотрудникам Центрального архива ФСБ за предоставленные для опубликования материалы и родственникам Н.В. Некрасова, давшим согласие на ознакомление с этими материалами.